

ПИСАТЕЛЬ В НЕВОЛЕ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-15-16

© Н. Д. СОЛЖЕНИЦЫНА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ 20 НОЯБРЯ 2017 ГОДА НА ОТКРЫТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПИСАТЕЛЬ В НЕВОЛЕ. ССЫЛКА, КАТОРГА, ТЮРЬМА В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Позвольте приветствовать вас, дорогие друзья, участники и гости конференции, тема которой упорно не хочет уходить в историю.

Зато герои нашей конференции — писатели-сидельцы — столь же упорно трудились и трудятся над тем, чтобы не пополнялось впредь их суровое братство и стали бы несочетаемы слова «писатель» и «неволя».

Два дня назад, 18 ноября, исполнилось 55 лет со дня выхода ноябрьского номера журнала «Новый мир» с «Одним днем Ивана Денисовича». Замысел рассказа еще на 12 лет старше: в 1950 году в лагерный зимний день, таская носилки с напарником, будущий автор подумал, что достаточно описать всего один день — и не особенный, а рядовой, тот день, из которого складываются годы. Но только через 9 лет Солженицын вернулся к замыслу, в лагере писать было нельзя, там он стихи составлял в уме, без бумаги, поскольку стихи легче запоминать. В одном из них, «Право узника», выражено, как он говорил, «понимание беспритязательное»:

Ни на что не даёт нам права
Гнет годов, в тюрьме прожитых...
Ни на почести, ни на славу,
Ни на власть, ни на нимбы святых...

И кончает:

...Осветлившийся внутренний стержень страдания
Вот одна нам награда за всё и за вся...

После лагеря Солженицын стихов не писал вовсе, да и эти обнародовал лишь спустя полвека, в 1999-м. Но к своим тюремным и лагерным годам, к их осмыслению Александр Исаевич обращался до последних дней.

Хочу поделиться с вами отдельными его записями, воспоминаниями, еще нигде не опубликованными. Вот Особый, каторжный лагерь в Казахстане:

«Самым большим моим достижением тогда было, что я сочинял стихи не только при долгих переходах в рабочую и в жилую зону, в колонне (а то — повторяя написанное с помощью чётков в рукавице) — но уже и во время каменной кладки: когда ждал раствора, а то и когда клал. (...) Для этого очень

свободная нужна была душа — и на лагерном дне именно такая и была у меня, какой не может владеть придурок, каждый день ожидающий подкопа, интриги, свержения. Именно на лагерном дне я обрёл себе самую большую свободу».

И еще:

«...Душевное состояние у меня глубоко спокойное. Физические лишения всё меньше и меньше значат... Течение срока не вызывает во мне нарастающей радости, а только всё большее приятие в качестве жизненного правила мудрой русской пословицы: „Счастью не верь, беды не пугайся“. Никогда человек сам не знает, что ему действительно лучше и что хуже».

А вот поздняя запись:

«Когда к старости надо мной, как, вероятно, и над каждым человеком, сгрудились, стучились все грехи прожитой жизни и я в изнемогающих молитвах вспоминаю их и вспоминаю, я однажды с удивлением обнаружил такую особенность: они относятся ко всем временам моей жизни, кроме лагерных лет. На этом дне существования, лишённые всякой внешней свободы, мы обретаем возможность безгрешности».

Надеюсь — но и не сомневаюсь — что в дни конференции голоса и мысли великих сидельцев оживут в докладах коллег и проступят сквозь уникальные архивные документы, извлеченные из хранилищ несравненной российской Сокровищницы, именуемой Пушкинский Дом.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-16-19

© В. Е. БАГНО

«ТАК ОБРАЗОВАЛСЯ СЕРВАНТЕС В РАБСТВЕ» (ПИСАТЕЛЬ И ПЕРСОНАЖ В НЕВОЛЕ)

Характеризуя четыре сферы мировой литературы (когда верхние изображают верхних же; когда верхние изображают, описывая нижних, «младшего брата»; когда нижние изображают верхних; и наконец, когда нижние изображают нижних, себя), Солженицын предположил, что «морально самой плодотворной» является вторая сфера. «Она, — добавляет он, — создавалась людьми, чья доброта, порывы к истине, чувство справедливости оказывались сильнее их дремлющего благополучия и одновременно чьё художество было зрело и высоко».¹ При этом родовым пороком этой сферы он счел «неспособность понять доподлинно». В редчайших случаях, напоминает Солженицын, писатели, оказываясь, подобно Сервантесу и Достоевскому, ввергнуты «внешним насилием» (плен, каторга, тюрьма) в тот страшный мир, в котором обитали «нижние», перевоплотившись, смогли этот опыт усвоить и сохранить. «Так, — продолжает Солженицын, — образовался Сервантес в рабстве и Достоевский на каторге. В Архипелаге же ГУЛАГе этот опыт был произведен над миллионами голов и сердец сразу». Тем самым писатель уверенно определяет и свое место не только именно в этой, второй

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Части III—IV // Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 2010. Т. 5. С. 392—393.